

На правах рукописи

Кулачков Вадим Витальевич

**РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 1920-е гг.:
СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)**

5.6.1. Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Москва, 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт российской истории Российской академии наук в центре экономической истории

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор Кондрашин Виктор Викторович

Официальные оппоненты:

Бабашкин Владимир Валентинович, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций, профессор;

Иванов Алексей Ананьевич, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет», кафедра отечественной истории, профессор;

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, сектор аграрной и демографической истории, заведующий сектором.

Ведущая организация: государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск

Защита состоится **27 июня 2025 года в 14.00 часов** на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.030.02 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет», федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» по адресу: г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет, корпус 22-в, зал заседаний, аудитория Л-13.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» https://ssau.ru/resources/dis_protection/kulachkov

Автореферат разослан «__» апреля 2025 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Леонтьева Ольга Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется высокой степенью научного и общественного интереса к изучению переходных эпох в истории России, стремлением понять и оценить, как масштабные социально-политические и социально-экономические трансформации влияли на жизнь населения страны. Обращение к истории российского крестьянства на историческом переломе приобретает особую важность: несомненно, что ключ к решению современных проблем деревни находится в сложном и неоднозначном прошлом, к которому и относится эпоха новой экономической политики.

Россия в 1920-е гг. продолжала оставаться крестьянской страной. По мнению В.В. Кондрашина, «российское крестьянство выступало субъектом истории, “творило свою политику” с помощью мирного и немирного стихийного и организованного крестьянского движения»¹. Как правило, период 1920-х гг. ассоциируется с эпохой новой экономической политики, при этом сочетание «старого» и «нового» (по словам этнографа 1920-х гг. Д.А. Золотарева, «старое в новом и новое в старом») является своеобразным рефреном эпохи нэпа².

Переходный характер эпохи новой экономической политики, сочетание традиций, новаций и альтернатив развития привлекают исследователей и актуализируют изучение данной проблемы. К тому же изучаемый в диссертации исторический период был кратковременным и противоречивым этапом развития страны. Именно в это время стали зарождаться как позитивные, так и негативные направления развития деревни, которые проявились в будущем. Тогда же, по мнению В.В. Кондрашина, началась «трансформация России из страны аграрной и крестьянской в страну промышленную и городскую»³. При этом происходили изменения не только в экономическом плане, но и в социокультурной сфере.

Исследование социальных, политико-правовых и культурных аспектов жизни крестьянства как одной из наиболее массовых социальных групп является весьма значимым для отечественной истории. При этом комплексный подход к изучению явлений быденной деревенской жизни позволяет адекватно выявить доминирующие константы в крестьянской оценке явлений и событий периода новой экономической политики. Одновременно с вышесказанным важное значение имеет изучение региональной истории с использованием междисциплинарного подхода. Как известно, единое целое складывается из отдельных взаимосвязанных частей, что актуализирует изучение отдельных периодов российской истории, в частности, реализации новой экономической политики, с привлечением региональных данных.

¹ Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М., 2024. С.660.

² Цит. по: Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016. С.68.

³ Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. С.7.

В данном исследовании рассматриваются социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития крестьянства в период новой экономической политики, так как они имеют важное значение в плане анализа положения жителей деревни в 1920-е гг. Следует отметить недостаточную изученность рассматриваемой проблемы, необходимость в постоянно изменяющейся историографической ситуации учитывать и применять на практике исторический опыт в строительстве правового государства и гражданского общества. Актуальность изучаемой проблемы состоит также и в том, что до сих пор сохраняются лакуны в изучении региональной специфики социально-экономического положения крестьян в рассматриваемый период: в частности, нуждаются в научной разработке политико-правовые аспекты жизни нэповской деревни, социальные коммуникации различных социэтнических групп. В этом же ряду – фактор пограничности рассматриваемого региона, на протяжении последнего столетия находившегося в зоне мировых военных конфликтов, и в настоящее время оказавшегося в зоне КТО. Все вышеизложенное подчеркивает актуальность проблемы, выбранной для диссертационного исследования, и повышает значимость изучения истории многонационального региона в условиях модернизационных процессов.

Объектом исследования является крестьянство западных губерний Европейской России в период новой экономической политики.

Предметом исследования является комплекс социальных, политико-правовых и культурных аспектов жизни крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг.

Хронологические рамки исследуемого периода ограничены периодом 1920-х годов (1921-1929 гг.). Выбор нижней хронологической границы обусловлен проведением 8-16 марта 1921 г. X съезда РКП (б), который вошел в историю как съезд официального провозглашения новой экономической политики. В свою очередь, верхней границей работы стал конец 1920-х гг., когда стало окончательно ясно, что произойдет отказ от основных принципов новой экономической политики.

Территориальные рамки исследования включают территорию западных губерний Европейской России, под которыми понимаются Брянская (1920-1929), Смоленская (1708-1929), Гомельская (1919-1926) и Калужская губернии (1796-1929) в границах 1920-х годов. В 1917 году на основной территории страны начался процесс деления старых губерний.

21 июня 1921 г. на заседании подкомиссии по районированию Госплана было принято решение о выделении Западного экономического района с включением в него Брянской губернии. В ноябре 1921 г. была создана «Карта экономических районов Европейской России», согласно которой выделялся Западный район с центром в Смоленске. В состав района вошли Смоленская, Брянская, Гомельская, Минская губернии.

В то же время Минская губерния остается вне территориальных рамок настоящего исследования, так как изначально она входила в состав Белорусской ССР. Необходимость изучения социальных, политико-правовых и культурных

аспектов развития Гомельской губернии определяется тем, что до 1926 г. она входила в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. После перехода губернии в состав Белоруссии отдельные её уезды вошли в состав Брянской губернии. Включение в рамки исследования Калужской губернии объясняется тем, что она по своей хозяйственной структуре и составу населения была близка к граничившим с ней Брянской и Смоленской губерниям.

Решение об образовании Брянской губернии официально было принято 1 апреля 1920 г. В декабре 1926 г. к Брянской губернии были присоединены Новозыбковский, Клинцовский и Стародубский уезды упраздненной Гомельской губернии. Однако в конце 1920-х гг. реализация на практике кампании по районированию привела к образованию Западной области с центром в Смоленске. В результате 1 октября 1929 г. Брянская губерния была упразднена, а через год ликвидированы и округа. Смоленская губерния в результате административных преобразований потеряла самостоятельность в 1929 году и вошла в состав образованной Западной области. Гомельская губерния с центром в городе Гомеле, который был одним из крупнейших экономических центров Могилевской губернии, была юридически оформлена 25 мая 1919 года. Новозыбковский, Стародубский и Суражский уезды были отделены от Черниговской губернии и вошли в состав Гомельской губернии. В 1926 году Гомельская губерния прекратила свое существование и в связи с этим в состав Брянской губернии вошли Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды. Основной причиной упразднения Гомельской губернии стал переход ряда уездов в Брянскую губернию, после чего в соответствии с национальной политикой Советского государства было принято решение о присоединении Гомельской губернии к Белорусской ССР. Калужская губерния существовала как административно-территориальная единица в центральной части России в 1776-1929 годах. 14 января 1929 года Калужская губерния была расформирована. При этом часть уездов отошла в состав Центрального промышленного района, остальные уезды вошли в состав Западной области.

Степень разработанности темы исследования. Подробный историографический анализ содержится в первой главе данного диссертационного исследования, поэтому здесь представлена обзорная характеристика степени изученности темы. Изучаемая проблема давно привлекает ученых, но, несмотря на это, её региональная специфика до сих пор остается неизученной. В историографии настоящей проблемы можно выделить четыре этапа: 1) В 1920-е гг. шел процесс накопления фактического материала для последующего анализа и осмысления сельской действительности, что в итоге привело к появлению достаточного большого количества работ; 2) В 1930-е – середине 1950-х гг. наблюдалось становление и усиление культа личности И.В. Сталина, что способствовало сужению интересов исследователей преимущественно вопросами изучения коллективизации и колхозной системы; 3) В 1960-е – 1980-е гг. активизировались исследования нэповской деревни благодаря расширению источниковой базы и углублению анализа темы, но

господство марксистско-ленинской идеологии не способствовало плюрализму взглядов; 4) со второй половины 1980-х гг. до настоящего времени – перестройка и распад СССР привели к расширению поля исследований и отказу от многих доминирующих оценок, которые господствовали в советской историографии.

В 1920-е гг. интерес к изучению различных аспектов жизни крестьян был вызван тем, что представители советской власти были заинтересованы в освещении жизни в деревне и в переменах, которые там происходили. А.Н. Большаков, В.Я. Феноменов и другие историки-аграрники внесли значительный вклад в рассмотрение положения крестьян в период новой экономической политики⁴. Историк-этнограф Н.И. Лебедева принимала активное участие в этнографических экспедициях, по итогам которых была опубликована одна из наиболее известных ее работ, посвященная изучению особенностей материальной культуры крестьянства – «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки»⁵. Изучением народного искусства достаточно активно занималась М.Е. Шереметева⁶. Этнографические исследования 1920-х гг., как правило, содержат различные факты преобладания традиционализма в повседневной сельской жизни. Очевидно, что исследователями в 1920-е гг. было сделано немало ценного, однако многие работы 1920-х гг. отличались описательностью и тенденциозностью, был невысоким уровень анализа материала, к тому же узкой оставалась источниковая база. Но в научный оборот было введено много различных материалов и документов, что создало условия для появления в будущем такого научного направления, как крестьяноведение.

Очередной историографический этап (1930-е – середина 1950-е гг.) был отмечен тем, что по идеологическим причинам активного изучения специфики положения крестьянства практически не осуществлялось. В эти годы появились работы, в которых рассматривались различные аспекты реализации преобразований в эпоху новой экономической политики⁷, в том числе опубликованы научные труды, в которых анализировались с апологетической

⁴ Феноменов М. Я. Современная деревня: опыт краеведческого обследования одной деревни. Старый и новый быт. М.-Л., 1925; Семёнов В. Кто кого (борьба старого и нового быта). М., 1928; Большаков А.М. Советская деревня в 1917 – 1925 гг. Экономика и быт. Изд. 2-е. Л., 1925; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. По итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии. М., 1925; Феноменов М.Я. Современная деревня. Ч. I – Ч. II. М., 1925; Дементьев Г. Деревня Пальцево. Экономический и социально-бытовой очерк. Л., 1926.

⁵ Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах). Часть I. Народный костюм, прядение и ткачество. М., 1927.

⁶ Шереметева М.Е. Все венки да поверх воды. Народное искусство Калужского края / Сост. В.Г.Пуцко. 2-е изд., перераб. и доп. Тула, 1984 (первое издание датируется 1925 г. – В.К.).

⁷ Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940; Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1949; Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921 -1922 гг.). М., 1954.

точки зрения вопросы культурного строительства⁸. Концептуальные построения историков шли в русле теоретических положений «Краткого курса истории ВКП(б)», согласно которым крестьянское хозяйство 1920-х гг. считалось элементом капитализма, лишённым перспектив⁹. Исходя из этого, исследователи прежде всего занимались изучением колхозного движения, процессов советизации и восстановления села. Литература данного периода в силу специфики времени отличалась классовым подходом, что снижало ее научную ценность. Вместе с тем сохранялись недостатки, свойственные работам историков 1920-х гг., – описательность и агитационно-пропагандистская направленность, невысокий аналитический уровень и узкая источниковая база.

Историографическая ситуация изменилась в 1960-е – 1980-е гг. Этот этап характеризуется усилением интереса к исследованиям деревни эпохи новой экономической политики, что было связано с решениями XX съезда КПСС. В то же время сохранялась исследовательская инерция – по-прежнему доминировала социально-экономическая тематика эпохи нэпа. Особо выделим фундаментальную монографию академика Ю.А. Полякова, в которой рассматривается переход к новой экономической политике и его влияние на советское крестьянство¹⁰. Лидером в научной разработке нэповской деревни был В. П. Данилов¹¹. Особо подчеркнем его вывод о состоянии деревни в период новой экономической политики: «это была деревня с почти исключительным крестьянским населением, вся жизнь которого протекала в мелком семейно-индивидуальном хозяйстве»¹². «Именно “Даниловский сектор”, представлявший собой структурное подразделение Института (сектор-отдел-центр-группу), в конце 1980-х – 1990-е гг. стал прорывом в исследованиях аграрной истории России первой половины XX в.»¹³. Сегодня научные традиции «Даниловского сектора» продолжают в Центре экономической истории ИРИ РАН под руководством В.В. Кондрашина (ученика и последователя В.П. Данилова)¹⁴, где

⁸ Семашко Н. А. Культурное строительство в СССР. М., 1934; Ким М. П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М., 1955; Карпов Г. Г. Партия и культурная революция в СССР. М., 1957; Элькина Д. Ю. На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М., 1959; Спектор Н. П. Партия – организатор шефства рабочих над деревней. (1923-1933 г.) М., 1957; и др.

⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1950.

¹⁰ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

¹¹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Его же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

¹² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. С.353.

¹³ Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. С.8.

¹⁴ Кондрашин В. В. «Даниловский сектор» Института российской истории РАН: прорыв в исследованиях аграрной истории России первой половины XX века // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России XX–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной

работают такие известные специалисты по аграрной истории, как О. М. Вербицкая, В.Ф. Зима и др.¹⁵. Кроме того, в трудах В.Я. Филимонова анализировались особенности взаимоотношений города и деревни¹⁶.

Можно заключить, что рост исследовательского интереса к истории крестьянства периода нэпа был связан с использованием более фундаментальной источниковой базы, введением в научный оборот большого массива архивных источников. Основное внимание исследователей по-прежнему было сосредоточено на изучении процессов социального расслоения деревни, аграрной политики советской власти, вопросов классовой борьбы, развития кооперативного движения. При этом следует отдать должное ученым советского периода, так как они смогли поставить проблемы, требующие решения в новых условиях исследовательского плюрализма.

В рамках последнего историографического этапа (со второй половины 1980-х гг. до настоящего времени) происходило дальнейшее усиление интереса к изучению нэповского периода, связанное с началом перестройки М.С. Горбачева¹⁷. В частности, Д. Х. Ибрагимова пришла к выводу о том, что «сознание сельского населения в условиях перехода к рынку, как времен нэпа, так и периода перестройки, не было монолитным»¹⁸. Особо следует подчеркнуть роль В.П. Данилова как одного из ярчайших исследователей аграрной истории XX века¹⁹. В.В. Кондрашин считает, что «только сейчас, спустя несколько

истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Брянск, 24–28 сентября 2018 г. М., 2018. С. 147–150.

¹⁵ Вербицкая О. М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М., 2017; Ее же. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М., 2022; и др.; Зима В.Ф. НЭП против голода в СССР (1921–1928 гг.). Саратов, 2024; и др.

¹⁶ Культурно-шефская работа на селе. М., 1975; Филимонов В. Я. Город и деревня в 1921–1925 гг. (по материалам Европейской России). Л., 1984.

¹⁷ Павлюченков С. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996; Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский НЭП (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4; Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Сборник статей. М.; Тамбов, 1996; Его же. Введение к сборнику «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ("Антоновщина"). Документы и материалы» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В двух частях. Ч. 2 / Сост.: М.А. Вылцан, Л.В. Данилова, Е.В. Данилова. М., 2011; Его же. Введение к сборнику «Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг.: Документы и материалы» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В двух частях. Ч. 2. М., 2011; Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996; Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

¹⁸ Ибрагимова Д.Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С.189.

¹⁹ Кондрашин В.В. [Рец. на:] Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч.1. М., 2011. 863 с. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1164–1166; Его же. В.П.

десятилетий, начинаешь осознавать, что состоявшийся прорыв в аграрных исследованиях “Даниловского сектора” был невозможен без того багажа знаний, который был накоплен в доперестроечный период и реализован в авторских и коллективных публикациях сотрудников сектора»²⁰; значителен был и вклад в разработку данной проблематики «предшественника В. П. Данилова, И. М. Волкова, во время руководства сектором которого увидели свет не потерявшие своей научной значимости и до настоящего времени подготовленные сотрудниками сектора 4 тома академической истории советского крестьянства и др. коллективные труды»²¹.

Большое влияние на автора данной работы оказала монография А. Я. Лившина²², который приходит к выводу, что «картина массового сознания представляется сложной, “замутненной”, фрагментированной». В 1990-е гг. активно функционировал теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», материалы которого были опубликованы благодаря усилиям известного исследователя В. В. Бабашкина²³. Особым направлением в историографии является изучение правовых обычаев русских крестьян.

В работе В.В. Бабашкина особое внимание уделяется рассмотрению достижений западной историографии. По его обоснованному мнению, монография М. Левина «Российские крестьяне и Советская власть»²⁴ стала заметным событием в западной советологии. В.В. Кондрашин был близко знаком с «одним из корифеев мирового крестьяноведения, социологом и историком Теодором Шаниным»²⁵, что способствовало его успешной научной деятельности²⁶.

Таким образом, историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что тема эволюции крестьянства в период новой экономической политики

Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37-44.

²⁰ Кондрашин В.В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. С.12.

²¹ Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917–1970). М., 1973; История советского крестьянства. В пяти томах. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М., 1986; Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986; Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). М., 1987; Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х годов. М., 1988.

²² Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М., 2010.

²³ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015.

²⁴ Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975. Впервые опубликовано на фр. яз.: Paris, 1966. Обзор содержания книги на русском языке и стенограмму обсуждения ее концепции см.: Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 46-78.

²⁵ Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910 – 1925 / пер. с англ. А. В. Соловьева. М., 2020; Кондрашин В. В. Круглый стол «Памяти Теодора Шанина» Крестьяноведение // Russian Peasant Studies. 2020. Vol. 5. No 4. P. 55–59.

²⁶ Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. С.16-17.

интересует многих исследователей. В современной отечественной историографии крестьянства периода новой экономической политики основное внимание уделяется рассмотрению различных аспектов эволюции крестьянства при активном использовании междисциплинарных связей. К настоящему времени исследователи смогли достичь новых высот в изучении вопроса, однако далеко не все проблемы достаточно разработаны. Прежде всего, это касается региональной специфики положения российских крестьян, особенно социоэтнических и политико-правовых аспектов развития деревни. Расширение источниковой базы и междисциплинарный подход будут способствовать целостности и объединению данных, полученных при изучении заявленной тематики в различных ракурсах.

Исследовательская проблема данного диссертационного исследования заключается в изучении региональной специфики социальных, политико-правовых и культурных аспектов развития российского крестьянства западных губерний Европейской России в 1920-е гг. В изучаемый период советская власть посредством имеющихся ресурсов пыталась проводить модернизационную политику по различным направлениям, однако традиционные черты крестьянского быта сохранялись, несмотря на изменения в первое постреволюционное десятилетие. Сочетание модернизации и патриархальности крестьян является одним из основных противоречий, выявляемых в данном диссертационном исследовании.

Основным является вопрос – действительно ли в 1920-е гг. деревня успешно развивалась или успехи были преувеличены официальной пропагандой? Очевидно, что ответ на этот основной вопрос будет способствовать более объективному рассмотрению жизни крестьян изучаемых регионов в период новой экономической политики.

Целью исследования является анализ социальных, политико-правовых и культурных аспектов жизни крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг.

Для достижения цели исследования были определены следующие **задачи**:

- проанализировать этапы и тенденции развития историографии изучения положения и эволюции российского крестьянства в 1920-е гг.; осуществить источниковедческий анализ документов и материалов по социально-экономической, политико-правовой и социокультурной эволюции крестьянства западных губерний Европейской России в 1920-е гг.; дать представление о теоретико-методологической основе исследования заявленной темы;

- рассмотреть социальные аспекты развития деревни изучаемых губерний в период новой экономической политики; осветить влияние реалий новой экономической политики на процессы социальной трансформации села; оценить социально-этнические различия в сельской местности; исследовать половозрастные характеристики деревенского социума крестьянства западных губерний Европейской России в 1920-е гг.;

- изучить политико-правовые аспекты эволюции нэповской деревни на региональном материале; рассмотреть общественно-политические настроения

крестьянства изучаемых губерний 1920-х гг.; охарактеризовать специфику отношения крестьян к советским руководителям разного уровня;

– определить социально-правовые особенности деревенского быта изучаемых губерний; сформировать представление о культурных аспектах развития крестьянства в период новой экономической политики; дать представление о влиянии советской идеологии на сельчан; описать изменения в области образования и просвещения в исследуемый период; уяснить смысл и значение социальных коммуникаций в жизни крестьянства изучаемых губерний.

Источниковая база исследования. Подробный анализ источниковой базы представлен в первой главе диссертации, поэтому здесь содержится ее краткая характеристика.

Источниковую базу данного диссертационного исследования составили различные виды документов и материалов, которые по признаку местонахождения можно разделить на следующие группы: архивные и опубликованные, а по видовым характеристикам – выделить законодательно-нормативные источники; делопроизводственные документы; источники личного происхождения; материалы средств массовой информации; кинофотодокументы; произведения художественной литературы.

Архивные документы, которые стали основой источниковой базы и использовались в диссертационном исследовании, содержатся в следующих коллекциях. Это материалы центральных (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ)) и региональных архивов (Государственный архив Брянской области (ГАБО), Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), Государственный архив Смоленской области (ГАСО), Государственный архив Гомельской области (ГАГО), Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО), Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)).

В частности, в Российском государственном архиве общественно-политической истории (РГАСПИ) ценные сведения извлечены из Ф. 17 (Отдел ЦК РКП (б) по работе в сельской местности), так как информационные материалы из этого фонда содержат сведения о деятельности в деревне. В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) активно изучался массив крестьянских писем в Ф. 396 (редакция «Крестьянской газеты»), так как в посланиях крестьян можно увидеть оценку происходящих событий эпохи новой экономической политики.

В диссертационном исследовании также активно использовались документы региональных архивов, которые способствуют выявлению специфики и своеобразия взглядов крестьян исследуемых губерний. В частности, в Государственном архиве Брянской области (ГАБО) большую

информационную ценность представляют фонды, содержащие архивы судебных учреждений эпохи 1920-х годов²⁷.

В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) были исследованы дела из разных фондов для достижения цели диссертационного исследования²⁸. Социально-правовые аспекты жизни крестьян в 1920-е гг. также невозможно рассмотреть без изучения руководящих распоряжений центральных органов и ГИКа, отчетов и планов судебно-следственных органов²⁹. В ф. Р-1207 (Смоленское губернское отделение Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) содержится 5734 единицы хранения, фонд датируется 1916—1929 гг. и состоит из 4 описей. В частности, одно из дел содержит материалы по проверке избирательной кампании 1926—1927 гг. в Смоленской губернии. В следующем деле отложились материалы по обследованию просветительной работы среди национальных меньшинств, в которых отмечаются достижения и недостатки в работе.

В региональных государственных архивах Гомельской и Калужской областей использовались сведения по внедрению кинематографа и радиовещания, информация о выдвижении крестьян, социокультурной деятельности на селе³⁰.

Следует отметить, что из архивных фондов было извлечено большое количество неопубликованных крестьянских писем (РГАЭ, Ф.396; ГАРФ, Ф.5407). В данном диссертационном исследовании активно использовались крестьянские письма, обнаруженные автором в Ф. 396 (редколлегия «Крестьянской газеты») РГАЭ. По мнению В.В. Кабанова, «архив писем крестьян в “Крестьянскую газету” – уникальный комплекс документов»³¹.

К группе *законодательных и нормативно-правовых* источников относятся опубликованные документы высших партийных и государственных органов³². Различные документы региональных властей также важны с точки зрения изучения положения крестьян в период нэпа³³.

²⁷ См.: Ф.Р-355, Ф.Р-610, Ф.Р-903, Ф.Р-350, Ф.Р-595 и др.

²⁸ См.: Ф. 3 (Смоленский губернский комитет партии); Ф. 11 (Смоленский уездный комитет); Ф. 5 (Западный областной комитет большевистской партии) и другие.

²⁹ Там же. Д. 518.

³⁰ ГАГО. Ф.24, Ф.18; ГАООГО. Ф. 7, Ф. 1; ГАДНИКО, Ф. П-1.

³¹ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С.228.

³² Собрание узаконений. 1921. №26; Земельный Кодекс РСФСР. М., 1922; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.2. 1917-1922. М., 1983; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т.1. М., 1967; Смычка. Сборник для крестьян и работников по шефству над деревней/сост. Е. Кантор-Давыдов. М., 1925.

³³ Отчет Брянского губкома ВКП (б) к XIII губернской партийной конференции (декабрь 1925-январь 1927 гг.). Брянск, 1927; Материалы Брянского Губплана с первой ориентировочной наметкой экономического районирования Брянской губернии (деление на округа и районные волости). Брянск, 1928; Материалы к XV Брянской губернской конференции ВКП (б). Брянск, 1928; Материалы к отчету Клиновского ОК ВКП (б) II-ой окружной партийной конференции (Июль 1929 г. – Май 1930 г.). г. Клины Западной обл., Издание ОК ВКП (б), 1930.

Делопроизводственные или служебные документы сыграли важную роль в работе над исследованием. Следует особо выделить многотомный сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», где содержится много ранее недоступных для исследователей материалов в форме докладов, справок, информационных сводок и т.п.³⁴. Использование сведений органов государственной безопасности, при условии критического отношения и учета специфики времени, важно для понимания крестьянских настроений исследуемого периода. Важная информация содержится в многотомном сборнике ««Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)», который стал публиковаться с 2001 г.³⁵.

Важное значение имеют опубликованные *источники личного происхождения*, к которым относятся «письма во власть», письма в редакции газет, личная переписка, воспоминания и т.д. Так, составители одного из сборников документов А.Я. Лившин и И.Б. Орлов, описывая содержание работы, констатировали, что «крестьянские письма часто создавались как выражение общественного мнения односельчан (или их определенной группы)»³⁶. При этом в данном исследовании использовались региональные сборники материалов, которые касаются развития изучаемых губерний в различных аспектах³⁷.

Важную роль в работе сыграли региональные сборники крестьянских писем — в частности, письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты», собранные в одном научном издании³⁸. Источники личного происхождения предоставляют возможность показать отношение рядовых сельских жителей к жизни страны в целом³⁹.

³⁴ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923—1929 / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М., 2000.

³⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция); Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2001-2017.

³⁶ Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998. С.11.

³⁷ Малые диаспоры Гомельщины в 20-30-е годы XX века: аналитические материалы и документы Государственного архива Гомельской области / сост.: В.П. Пичуков, М.А. Алейникова, З.А. Александрович; под ред. В.П. Пичукова. Гомель, 2008; Гомельская губерния. 1919-1926 гг.: документы и материалы / сост.: М.А. Алейникова [и др.]; редколл.: В.И. Адамушко [и др.]. Минск, 2009; Калужский край. Документы и материалы. Книга третья (1917-1941 годы). Составитель А.Д. Тарасова, предисл. к главам В.Я. Филимонов. Тула, 1982.

³⁸ Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: Материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов / сост. М.В. Каиль, О.В. Кобец; под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2011.

³⁹ Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996; Крестьянские истории.

Следующая группа источников представлена *материалами средств массовой информации* 1920-х годов⁴⁰. Из этого перечня стоит выделить газету «Наша деревня», которая в изучаемый период освещала деревенскую жизнь на территории Брянской губернии, и материалы которой активно используются в данном диссертационном исследовании.

Особую группу источников составили *кинофотодокументы*, представленные диапозитивами из Государственного архива Брянской области. В качестве иллюстративного ряда используются кадры из документального фильма «В Брянском Полесье»⁴¹, снятого в 1930 г. по материалам экспедиций Центрального музея народоведения СССР. Его основу составляют этнографические описания жизни и быта крестьян изучаемого периода.

К последней группе опубликованных источников относятся *произведения художественной литературы*. Их использование в качестве источников обусловлено тем важным обстоятельством, что писатели с помощью художественного слова пытаются передать дух изучаемой эпохи, бытовые черты и особенности 1920-х гг. Ярким примером может служить сборник рассказов советских писателей «Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов»⁴². Содержание ряда рассказов, вошедших в этот сборник, использовано в данном исследовании.

Таким образом, архивные и опубликованные источники, составившие фундамент диссертационного исследования, и в своей совокупности позволяют составить достаточно полное представление о социальной, политико-правовой и культурной эволюции российских крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг.

Методологические основы исследования освещаются в первой главе диссертационного исследования. Основой для данной работы послужили идеи, которые были высказаны в трудах В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, В.В. Кондрашина, В.В. Бабашкина и других ведущих советских и российских ученых⁴³. В данной работе также использованы концептуальные подходы

Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. Автор-составитель: С. Крюкова. М., 2001.

⁴⁰ Газеты «Беднота», «Безбожник», «Крестьянская газета», «Наша деревня», «Рабочий путь», журнал «Новая деревня».

⁴¹ «В Брянском Полесье». Документальный фильм / Реж. И.Копалин. СССР, Союзкинохроника, Москва, 1930 (фильм был передан в Государственный архив Брянской области из Государственного архива кинофотофонодокументов СССР, инвентарный №2742).

⁴² Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов. Рассказы / Сост., вступ. статья и примечания Н.Д. Ткаченко. М., 1987.

⁴³ Данилов В.П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962; Его же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). М., 1972; Его же. Коллективизация и раскулачивание. М., 1996; Бабашкин В.В. Россия в 1902-1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007; Кондрашин В.В.

современного крестьяноведения. Данное исследование осуществлено на основе фундаментальных положений основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный, формационный и институциональный подходы, модернизационная теория, «новая локальная история».

Методы исследования. В первой главе диссертационного исследования также уделяется внимание методам исследования. Методологической основой для данной работы стали принципы объективности, системности, альтернативности, историзма, конкретности. В основе диссертационного исследования находятся три общеисторических метода: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный. Использовался также ряд общенаучных методов, к которым относятся анализ и синтез, описание, объяснение и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в работе предпринят авторский комплексный анализ социальных, политико-правовых и культурных аспектов жизни крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг. При этом научная новизна актуализируется междисциплинарным характером исследования, находящегося на стыке различных гуманитарных наук. На региональном материале доказано, что в крестьянской жизни доминировали традиционные нормы взаимоотношений, в том числе обычное право, что можно объяснить консерватизмом крестьянства, недоверчивым отношением к внедряемым новациям, дефицитом материально-финансовых ресурсов. Выявлена роль разнообразных коммуникационных каналов и новых культурно-просветительских учреждений в трансформации сельского образа жизни и осуществлении фрагментарной модернизации. Освещены особенности идеологической работы советской власти в регионе, в том числе на примере компактных этнических групп (национальных меньшинств), проживающих в изучаемом регионе. Прослежена динамика социально-психологических настроений крестьянства, реакции сельского мира на политику центральных и местных властей. В научный оборот введено большое количество новых источников из фондов центральных и региональных архивов, в том числе неопубликованных крестьянских писем, которые позволяют раскрыть особенности и специфику изучаемой тематики.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что оно построено на основе принципов междисциплинарного синтеза, что позволило комплексно проанализировать и объективно оценить соотношение традиций и новаций в жизни крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг. Методологическая модель, предложенная автором, может быть применена при дальнейшем изучении истории российского крестьянства и при проведении сравнительно-исторических исследований по изучаемой тематике.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что материалы и выводы диссертации могут найти применение в

образовательной практике: в преподавании курсов по отечественной истории, элективных курсов по крестьяноведению и регионоведению, при работе над учебными и методическими пособиями, посвященными истории развития российской деревни.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ социальных аспектов развития деревни в 1920-е годы позволяет сделать вывод о том, что сочетание принуждения государства по взысканию налогов, самообложение, добровольно-принудительная реализация крестьянских займов вызывали отрицательное отношение в крестьянской среде. Нарастание нестабильности, связанное с завершением новой экономической политики и с так называемыми «военными тревогами», способствовали паническим настроениям, росту покупок товаров массового потребления, усилению неуверенности в завтрашнем дне.

2. На территории изучаемых губерний присутствовали так называемые национальные меньшинства, под которыми подразумевают постоянно проживающие компактные этнические группы, имеющие свои язык, обычаи и традиции, формы быта. Деятельность среди национальных меньшинств велась довольно активно, но многие члены партии не считали это престижным видом работы. Как и среди русского населения, активно проводилась антирелигиозная пропаганда. Однако данная работа осложнялась тем, что сознание национальных меньшинств отличалось своеобразным менталитетом, поэтому антирелигиозная пропаганда часто не достигала своих целей.

3. Изучение архивных и опубликованных документов дает возможность сделать вывод о том, что традиционные нормы взаимоотношений доминировали в крестьянской жизни, что можно объяснить консерватизмом крестьянства, недоверчивым отношением к внедряемым новациям, дефицитом материально-финансовых ресурсов. Однако наблюдались определенные изменения в гендерной сфере и процессы фрагментарной модернизации. Одновременно происходило постепенное укрепление большевистской власти, что приводило к росту количества крестьян, вступающих в коммунистическую партию с целью повышения своего социального статуса. В ходе изучения проблемы было выявлено, что деревня остро осознавала свою второстепенность, что порождало так называемую «ревность к городу» и растущее желание объединиться в «Крестьянский союз». При этом сельские советы как местные органы советской власти в начале 1920-х гг. не располагали достаточными материальными и финансовыми ресурсами, что способствовало сохранению авторитета сельского схода.

4. Проведенное исследование показало, что, как и до революции, в крестьянском сознании присутствовало принципиально разное отношение к центральной и местной власти. Высшие представители власти были олицетворением правды и справедливости, образ местной власти в глазах сельских жителей постоянно подвергался критике. Крестьяне традиционно считали своим защитником первого человека в государстве, который «понимал» потребности деревни, по аналогии с наивным монархизмом в дореволюционную

эпоху. Проведение избирательных кампаний часто приводило к конфликтам, поскольку использование административно-командных ресурсов способствовало победе кандидатов от власти, что вызывало обоснованное недовольство среди крестьян. Пьянство, взяточничество и высокомерное отношение к крестьянству, как и в дореволюционном прошлом, сохранялись в жизни крестьян, что не давало повода для оптимизма.

5. Проведенный анализ свидетельствует, что подавляющее большинство крестьян продолжало придерживаться норм обычного права, что подтверждают отличное от закона отношение крестьян к лесопорубкам, сохранение «подпольных адвокатов» и т.д. Самосуд, который часто организовывался общиной и санкционировался местными властями, оставался неприятным и жестоким явлением. Конокрадство, воровство, алкоголизм и хулиганство также никуда не исчезли из обыденной крестьянской жизни. Однако деятельность новой советской власти в правовой сфере, несмотря на все недостатки, была полезной и значимой. В частности, при сельских советах были организованы примирительные камеры, которые занимались незначительными делами и приближали судебную деятельность к населению.

6. Диссертационное исследование позволило выявить, что крестьянство 1920-х годов находилось под сильным идеологическим влиянием советской власти, что выражалось в антирелигиозной борьбе, введении советских праздников, переменах в области образования и идеологической работе советской власти. Преувеличенные официальной пропагандой успехи в борьбе с религией корректировались реальной жизнью. Одновременно с этим устоявшиеся традиции препятствовали распространению новых советских праздников, поэтому происходило переплетение традиций и новаций. В ходе изучения проблемы было выявлено, что перемены в образовательной области были связаны с деятельностью передвижных и стационарных школ, борьбой с неграмотностью и увеличением количества книг и средств массовой информации в деревне. Работа изб-читален, шефская помощь города, движение сельских корреспондентов способствовали позитивным изменениям в указанной сфере, однако негативные последствия революционной эпохи и гражданской войны оказывали отрицательное воздействие. Экономическая слабость многих крестьянских хозяйств не позволяла коренным образом изменить традиционную материальную культуру деревни, что отражалось и в духовной сфере.

7. Проведенный анализ свидетельствует, что модернизационные процессы в деревне изучаемых губерний 1920-х гг. характеризуются усилением роли социальных коммуникационных воздействий, связанных с деятельностью изб-читален, Домов крестьянина, распространением радиовещания и кинематографа. В частности, Дома крестьянина сыграли положительную роль в смысле культурно-просветительной работы, помощи крестьянам в сельскохозяйственном, медицинском и юридическом аспектах. В свою очередь, избы-читальни функционировали в сфере распространения книг, громком чтении газет и журналов, организации бесед и докладов, проведении политических кампаний, справочной работе, антирелигиозной агитации и

пропаганде правовых знаний. Работа по внедрению технических новшеств в деревню проводилась достаточно активно, однако, как обычно, достижению более впечатляющих результатов препятствовали материально-финансовые и технические проблемы. При этом различные коммуникационные каналы способствовали трансформации сельского образа жизни.

Степень достоверности результатов исследования. Выводы исследования сделаны на методологических основах и с помощью методов, соответствующих задачам и цели исследования. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается репрезентативностью источниковой базы исследования, сопоставлением и критическим анализом информации, содержащейся в различных видах исторических источников.

Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном осуществлении всего объема работ на всех этапах диссертационного исследования: определения степени разработанности темы исследования, постановки исследовательской проблемы, выбора теоретико-методологической основы исследования, выявления в архивах и введения в научный оборот широкого комплекса разнообразных исторических источников, формулирования оригинальной авторской концепции, позволившей решить проблему соотношения модернизации и традиционализма в крестьянском быту многонационального региона 1920-х гг., апробации полученных результатов и представления их научному сообществу.

Апробация результатов исследования. Научные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, были отражены в выступлениях автора на научно-практических конференциях, среди которых: Международная научно-практическая конференция «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» (Москва, 2013–2023), Международная научно-практическая конференция «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность» (Брянск, 2014–2024), Всероссийская научно-практическая конференция «Правовая культура России: прошлое и настоящее» (Брянск, 2017–2023), Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук» (Брянск, 2018–2024) и другие.

Отдельные положения диссертации были апробированы при ведении практических занятий по дисциплинам «История», «История России» в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет».

По теме диссертации было опубликовано 59 работ общим объемом 71,45 печатных листа, в том числе 4 монографии, 39 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Полнота изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем, подтверждается тем, что они в достаточной мере отражают структуру и содержание исследования, включая положения, выносимые на защиту, вносят значительный вклад в

историческую науку в вопросах изучения истории российского крестьянства XX в. в условиях масштабных социальных преобразований.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Представленное диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история, а именно п. 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества».

Структура исследования включает введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определены объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки исследования, степень разработанности темы исследования, обозначена исследовательская проблема, поставлены цель и задачи исследования, охарактеризованы источниковая база исследования, методологические основы и методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, определена степень достоверности результатов исследования, приведены сведения об апробации результатов исследования, соответствии диссертации паспорту научной специальности, структуре исследования.

В **первой главе «Источники, историография и методология исследования»** раскрываются основные этапы и тенденции развития историографии изучаемой темы, характеризуется источниковая база исследований нэповской деревни и теоретико-методологическая основа работы.

В параграфе 1.1. *«Этапы и тенденции развития историографии»* рассматриваются историографические аспекты изучаемой темы. В литературе 1920-х гг. доминировали исследования, оценивающие достижения власти в апологетическом ключе. Большинство исследователей стремились описать свои впечатления от недавних событий, поэтому многие работы носили поверхностный характер. Одновременно труды указанного периода формировали предпосылки для появления в будущем такого направления, как крестьяноведение.

Очередной историографический этап (1930-е – середина 1950-е гг.) был ознаменован тем обстоятельством, что по идеологическим причинам активного изучения специфики положения крестьянства практически не осуществлялось. Исследователи прежде всего занимались изучением колхозного движения, процессов советизации и восстановления села. Литература данного периода в

силу специфики времени отличалась классовым подходом, что снижало ее научную и познавательную ценность. Наряду с этим сохранялись недостатки, свойственные работам 1920-х гг., – описательность и агитационно-пропагандистская направленность, невысокий аналитический уровень и узкая источниковая база.

Следующий историографический этап (1960-е – 1980-е гг.) характеризуется усилением интереса к исследованиям деревни эпохи новой экономической политики по итогам принятых решений XX съезда КПСС. В эпоху «оттепели» произошло смягчение внутренней политики, поэтому рост исследовательского интереса к истории крестьянства периода нэпа был связан с использованием более фундаментальной источниковой базы, введением нового фактического материала, постановкой новых проблем для изучения. При этом в работах советских исследователей по идеологическим причинам доминировала мысль о предопределенности и неизбежности коллективизации. Основное внимание исследователей по-прежнему было сосредоточено на изучении процессов социальной поляризации, аграрной политики советской власти, вопросах классовой борьбы, развития кооперативного движения.

В рамках последнего историографического этапа (со второй половины 1980-х гг. до настоящего времени) происходило дальнейшее усиление интереса к изучению нэповского периода, связанное с началом перестройки М.С. Горбачева⁴⁴. Различные точки зрения способствовали разногласиям в обсуждении аграрной эволюции деревни. В.В. Кондрашин аргументированно доказывает, что «...путь российской деревни к своей трагедии не был предопределен, как неизбежный. В условиях индустриальной модернизации она, приспособляясь и сопротивляясь, в том числе с помощью крестьянской революции, шла по пути создания сельского хозяйства, адекватного ее потребностям, и успехи НЭПа об этом свидетельствовали»⁴⁵. Важную роль в изучении истории крестьянства продолжает играть П. С. Кабытов⁴⁶. Как верно

⁴⁴ Павлюченков С. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996; Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский НЭП (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4; Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Сборник статей. М.; Тамбов, 1996; Его же. Введение к сборнику «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ("Антоновщина"). Документы и материалы» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В двух частях. Ч. 2 / Сост.: М.А. Вылцан, Л.В. Данилова, Е.В. Данилова. М., 2011; Его же. Введение к сборнику «Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг.: Документы и материалы» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В двух частях. Ч. 2. М., 2011; Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996; Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

⁴⁵ Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. С.662.

⁴⁶ Кондрашин В. В. Региональное измерение истории России: к 80-летию П. С. Кабытова – исследователя и гражданина // Вестник Самарского университета. 2021. № 2. Том 27. С. 8–16.

отмечал С.А. Есиков, «принципиальной особенностью современного этапа историографии вопроса является его активная разработка новым поколением историков в различных российских регионах, где в настоящее время наблюдается подъем российского крестьяноведения»⁴⁷.

В западной историографии, в целом, авторы отмечают сохранение традиционализма в обыденной крестьянской жизни. В частности, Т. Шанин, рассматривая наследование имущества в русском крестьянском праве, приходит к выводу, что традиционные обычаи продолжали сохраняться⁴⁸. Как верно считает В.В. Кондрашин⁴⁹, «среди зарубежных исследователей советской деревни периода нэпа наибольший интерес представляют публикации М. Венера, Х. Окуды, Д. Асаоки, Ким Чан Чжина, А.Т. Капустян и др.»⁵⁰.

Таким образом, историографический обзор научной литературы позволяет сделать вывод о том, что тема эволюции крестьянства в период новой экономической политики интересует многих исследователей. Очевидно, что к настоящему времени исследователи смогли достичь новых высот в изучении вопроса, однако не все проблемы исследованы в достаточной мере. Прежде всего, необходимо более активно исследовать социоэтническую сферу развития села, политико-правовые аспекты эволюции нэповской деревни и распространение социальных коммуникаций. Привлечение неопубликованных крестьянских писем, которые содержатся в архивных коллекциях, также будет способствовать более полному изучению заявленной тематики. Достижению этой цели также поможет привлечение материалов средств массовой информации 1920-х годов, произведений художественной литературы, кинофотодокументов в качестве иллюстративного ряда. Очевидно, что расширение источниковой базы и междисциплинарный подход будут способствовать целостности и объединению данных, полученных при изучении заявленной тематики в различных ракурсах.

В параграфе 1.2. *«Источниковая база исследований нэповской деревни»* анализируется корпус источников диссертации. Основой диссертационного исследования стали архивные и опубликованные источники, которые вносят

⁴⁷ Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 14.

⁴⁸ Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. 2003. № 2.

⁴⁹ Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. С.373.

⁵⁰ Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905–1930). М., 1996; Markus Wehner. Bauernpolitik im proletarischen staat. Die bauernfrage als zentrales problem der sowjetischen innenpolitik. 1921–1928. Köln, 1998; Капустян А.Т. Украинское крестьянство и власть в первые годы нэпа // Отечественная история. 2001. № 5. С. 165–173; Асаока Д. Советская власть и крестьянство: идея «рабоче-крестьянского союза» // Российская революция и век СССР В 5 т. Т. 2. Сталинизм как цивилизация. Токио, 2017. С. 3–43 (на японском языке); Окуда Х. К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа // Российская история. 2018. № 4. С. 14–16 и др.

неоценимый вклад в реконструкцию общей картины крестьянской жизни на переломе эпох. Документы центральных и региональных архивов составили основу исследования и послужили своеобразным каркасом работы, так как архивные материалы способствуют более достоверному анализу заявленной темы. В своей совокупности источники позволяют составить достаточно полное представление о социальной, политико-правовой и культурной эволюции российских крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг.

В параграфе 1.3. **«Теоретико-методологическая основа исследования»** обосновывается выбор подходов к изучению темы. Доминирование марксистской идеологии прекратилось после распада СССР в 1991 году, что способствовало исследовательской свободе в изучении эпохи новой экономической политики. Иначе говоря, начался период теоретико-методологического плюрализма, выражающегося в возможности высказывать различные точки зрения по изучаемому вопросу. При этом постоянно продолжается поиск новых теоретико-методологических подходов для более глубокого изучения советского прошлого 1920-х гг. Однако следует учитывать, что при проведении исторического исследования необходимо иметь в виду конкретные особенности изучаемого региона. В связи с этим является актуальным акцент на исследование локальных характеристик.

Данное исследование осуществлено на основе фундаментальных положений основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный и формационный подходы, модернизационная теория, «новая локальная история». Однако у каждой из них есть свои достоинства и недостатки, поэтому исследователи особое внимание уделяют теории модернизации. Например, И.В. Побережников справедливо считает, что «... модернизационная парадигма продолжает развиваться, совершая при этом экспансию в новые для нее области теоретизирования и абсорбируя (и адаптируя) новые теоретико-методологические подходы»⁵¹.

Следует отметить, что изучение эпохи новой экономической политики активно продолжается, что позволяет дополнять уже имеющуюся информацию по данной тематике. Одновременно недостаточная разработанность социоэтнических и политико-правовых аспектов развития села, распространения социальных коммуникаций и модернизационных процессов стимулирует исследователей продолжать работу в данном направлении. Использование различных методологических подходов на основе расширения источниковой базы будут способствовать более полному изучению избранной темы.

Во второй главе **«Социальные аспекты развития деревни»** рассматривается влияние новой экономической политики на положение крестьян, дается представление о социоэтнической сфере развития села, изучаются гендерные особенности развития деревни.

⁵¹Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Сборник научных статей. М., 2002. С. 168.

В параграфе 2.1. *«Новая экономическая политика и крестьяне»* сделан вывод о том, что важное значение имело отношение крестьян к налоговой политике государства. Как правило, нажим государства в плане принудительного взыскания налогов, самообложение, «добровольная» реализация крестьянских займов вызывали негативное отношение в крестьянской среде. Советская кооперация была придатком государственной машины и, как правило, проигрывала в экономическом соревновании частным торговцам. Кроме того, ее сравнение с дореволюционным кооперативным движением не давало повода для оптимизма. Так называемые «военные тревоги» еще более усугубляли неуверенность крестьян в неизменности и стабильности курса, проводимого советской властью. В 1920-е гг. причинами, вызывающими «военные тревоги», могли стать различные международные события, которые могли оказать влияние на положение сельских жителей, прекрасно помнящих недавние события первой мировой и гражданской войн. Крестьянство получало сведения о происходящем из средств массовой информации того времени, которые соответствовали идеологии советской власти и способствовали формированию соответствующих выводов в деревне. Специфические слухи, характерные для периода НЭПа, также способствовали нагнетанию и без того тревожной обстановки в крестьянской среде, что способствовало паническим настроениям и росту покупок товаров массового потребления. При этом завершение новой экономической политики привело к свертыванию рыночных механизмов, что способствовало усилению административно-командных тенденций в жизни крестьянства изучаемых губерний.

Параграф 2.2. *«Социально-этническая сфера развития села»* посвящен анализу социально-этнических различий и взаимоотношений в постреволюционной деревне. Поддержка советской властью бедняцких слоев, особенно активная во второй половине 1920-х гг., приводила к часто искусственному нагнетанию напряженности в социальной сфере и способствовала поляризации и радикализации массового сознания крестьян. В основной своей массе беднейшие слои деревни не отличались предприимчивостью и хозяйственностью, поэтому выделение их в качестве опоры замедляло развитие деревни, ухудшало социальное самочувствие других категорий сельских жителей. Классовый догматизм в опоре на беднейшие слои деревни приводил к замедлению развития и сдерживанию предприимчивости средних и зажиточных хозяйств.

Классовый подход советской власти отличался жесткостью в достижении цели, что на практике приводило к отсутствию плюрализма и монополией на принятие решений. Напряженность и конфликтность, вызванные различиями в уровне жизни разных слоев деревенского населения, вели к эскалации социального напряжения в постреволюционной деревне. Курс советской власти на поддержку бедняков еще более стимулировал данные процессы, что способствовало формированию сложной социальной структуры.

Довольно важную роль в развитии крестьянства западных губерний Европейской России в 1920-е гг. играли особенности этнического состава.

Следует сказать, что деятельностью в сфере национальных меньшинств руководили партийные и советские структуры (Отдел национальных меньшинств при Народном комиссариате внутренних дел СССР, Совет национальных меньшинств при Народном Комиссариате образования, Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при Всероссийском центральном исполнительном комитете). Например, в Брянской губернии работой в данной сфере занимались агитационно-пропагандистский отдел губернского комитета ВКП (б), подотдел нацменьшинств, совет национальных меньшинств, отдельные национальные секции.

Наиболее ярко этнические различия выражались в образовательной и культурно-просветительной сферах. Работа среди национальных меньшинств проводилась достаточно активно, хотя и нельзя сказать о том, что она относилась к числу престижных видов деятельности. Архивные источники сохранили свидетельства противоречивой и неоднозначной оценки партийцами работы среди представителей других национальностей, не были исключением факты пренебрежительного отношения.

Наиболее активно и последовательно в 1920-е гг. среди национальных меньшинств проводилась антирелигиозная пропаганда, однако не всегда успешно. Как и среди русского населения, велась работа по повышению культурного и образовательного уровня национальных меньшинств, которая выражалась в открытии школ, изб-читален, различных кружков, возможности получения и продолжения образования на более высоком уровне. В большинстве случаев особой напряженности между русским населением и национальными меньшинствами не наблюдалось. Однако были случаи антисемитизма и социокультурных противоречий, вызванные разницей как в материально-хозяйственном положении, так и в уровне культуры русского населения и представителей национальных меньшинств. Как и в любой деятельности, были достижения и недостатки, но можно было снизить их негативное воздействие при проведении более взвешенной и скоординированной политики по отношению к деятельности в среде национальных меньшинств.

В параграфе 2.3. *«Гендерные особенности развития деревни»* автор приходит к выводу, что традиционные нормы взаимоотношений в сельской среде были весьма устойчивы. Молодое поколение деревни, как правило, поддерживало советскую идеологию, а их ближайшие родственники старшего возраста придерживались прямо противоположных позиций. В результате назревал мировоззренческий конфликт поколений, составляющий одну из негативных тенденций в развитии крестьянства. Можно сделать вывод и о том, что в 1920-е годы наблюдались различные изменения в сфере повседневной деревенской жизни. Был весьма актуальным вопрос о семейных разделах, которым способствовали демографическая ситуация, эгоизм членов семьи, поиск дополнительных источников дохода. Мероприятия новой советской власти приводили к возрастанию общественной активности сельских женщин. Расширению кругозора крестьянки способствовали агитация и пропаганда нового образа жизни. Эти же обстоятельства вместе с возрастными

особенностями способствовали активности молодежи. Особенно ярко это проявлялось в борьбе за изменение общественно-политической сферы деревни. Однако патриархальный быт во многом сохранял свои позиции, что можно объяснить тем, что крестьянское мировосприятие порождало консервативный тип мышления, осторожное отношение к различным новациям. Модернизационные процессы, как правило, были фрагментарными и не очень последовательными в своей практической реализации. Кроме того, особенности сельского семейного быта гораздо дольше, чем в городе, сохраняли традиционные черты, характерные для дореволюционного прошлого.

В третьей главе **«Политико-правовые аспекты эволюции нэповской деревни»** рассматриваются настроения крестьян в общественно-политической сфере, изучается отношение крестьян к представителям органов советской власти, дается представление о роли права и закона в жизни крестьян.

В параграфе 3.1. **«Настроения крестьян в общественно-политической сфере»** делается вывод о том, что общественно-политические настроения российских крестьян были тесно связаны с действиями советской власти. Укрепление советской власти стимулировало крестьян к вступлению в правящую партию, однако в итоге все равно рабочий класс занимал лидирующие позиции в построении нового государства. Проводилась политика выдвижения, но ее эффективность снижали невысокий уровень образования и подготовки новых управленцев. Деревня ощущала свою второстепенное положение, что стимулировало «ревность к городу» и стремление объединиться в так называемый «Крестьянский союз». Однако в реальной жизни, на практике крестьянство так и не смогло стать единым в силу объективных и субъективных причин. Нереализованность объединительных идей приводила к нарастанию в крестьянской среде тенденций абсентеизма и равнодушия к участию в политической жизни, формированию индифферентного электорального поведения.

В свою очередь, электоральное поведение крестьян в 1920-е гг. имеет свою региональную специфику, которая содержит много общего с особенностями развития всей страны в период новой экономической политики. К причинам абсентеизма крестьянства можно отнести традиционализм крестьянского образа жизни и отсутствие подготовки к реальному участию в выборах. Проведение выборных кампаний в 1920-е гг. сопровождалось соответствующей подготовкой, которая выражалась в устройстве различных конференций и собраний. Политика «лицом к деревне» была направлена на завоевание симпатий крестьянства, однако она во многом была декларативной и не подкреплённой реальными делами, что способствовало недовольству сельских жителей.

Параграф 3.2. **«Деятели советской власти и крестьянство»** посвящен рассмотрению особенностей отношения крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг. к представителям органов советской власти. Анализ материалов позволяет сказать, что сохранялся традиционный дуализм крестьянского отношения к властным структурам, который выражался в почитании представителей высшего эшелона и критическом отношении к

местным начальникам. Смерть В.И. Ленина в 1924 г. и последующие траурные мероприятия подтверждают, что крестьяне видели в нем своего защитника, как ранее в этой роли выступал государь-император. Наряду с В.И. Лениным высоким авторитетом в крестьянской среде обладал М.И. Калинин, так называемый «всесоюзный староста». Поток писем, направленных ему конкретно и другим представителям центральных органов власти, был вызван как тяжелым материальным положением, так и особенностями социальной психологии сельских жителей. Сельские советы, представляющие местную власть, на деле слабо контролировали обстановку, так как наблюдалась нехватка квалифицированных кадров, конкуренция с общинными структурами, бюрократизм и традиционные дореволюционные пороки (пьянство, взяточничество, высокомерное отношение к крестьянству).

В параграфе 3.3. *«Право и закон в жизни крестьян»* рассматриваются социально-правовые аспекты жизни крестьянского социума западных губерний Европейской России в 1920-е гг. В изучаемый период судебные и правоохранительные структуры вели активную деятельность в сфере правовой пропаганды, что способствовало повышению уровня правовой культуры жителей деревни. Свою лепту вносили организация справочных юридических столов, кружков, консультаций, бюро, работа в избах-читальнях, издание юридической литературы. Однако особенности сельского образа жизни и традиционной психологии крестьян негативно влияли на эффективность проводимых мероприятий в сфере правовой пропаганды. При этом свою отрицательную роль играло и то обстоятельство, что осуществление правовой пропаганды было тесно связано с решением политико-идеологических задач нового, советского государства.

Изучение криминогенного поведения крестьян позволяет сказать о том, что в данный период наблюдался рост практически всех основных видов преступности. Прежде всего это относится к уголовной преступности, что выражалось в увеличении числа случаев бандитизма при слабости правоохранительных структур. При этом одним из наиболее распространенных явлений в изучаемый период было хулиганство, которое расцвело пышным цветом в советской провинции 1920-х гг. Одновременно с вышесказанным можно говорить о том, что к особенностям девиантного поведения крестьян в 1920-е гг. относятся консерватизм, наличие элементов традиционализма и архаичности. Об этом свидетельствует сохранение дореволюционных проявлений девиантности – пьянства и самогонокурения, проституции, лесохищений, конокрадства и т.д. По мнению исследователей, в период новой экономической политики происходило усиление девиантной активности крестьянства. Очевидно, что социально-экономические потрясения и модернизационная деятельность советской власти способствовали не только позитивным, но и негативным изменениям в поведении жителей деревни.

Кроме того, недовольство крестьян вызывали налоговые злоупотребления, которые усиливались жестким административным ресурсом. Актуальными для всех социальных групп крестьянства были проблемы несбалансированного

экономического обмена между городом и деревней, высокие ставки налогообложения, административное и судебное преследование неплательщиков налогов. При этом абсентеизм значительной части крестьянства был обусловлен как традиционным недоверием органам власти, так и ощущением временности новой экономической политики.

В четвертой главе «**Культурные аспекты развития крестьянства**» рассматриваются влияние советской идеологии на жителей деревни, социально-образовательная сфера и социальные коммуникации в деревне.

В параграфе 4.1. «**Советская идеология и деревня**» сформулирован вывод о том, что крестьянство западных губерний Европейской России 1920-х испытывало сильное идеологическое влияние советской власти, которое выражалось в антирелигиозной борьбе, внедрении советских праздников и агитационно-пропагандисткой деятельности нового государства. Ситуация в сфере религиозных взглядов крестьян изучаемых губерний была противоречивой и неоднозначной. В большинстве случаев антирелигиозная пропаганда находила положительный отклик у молодого населения деревни, представители старшего возраста, как правило, сохраняли приверженность вере. Конечно, официальная пропаганда в большинстве своем констатировала успехи на фронте антирелигиозной борьбы и агитации, однако реальная жизнь вносила коррективы. При этом на фоне ослабления позиций официальной церкви происходило оживление суеверий, колдовства, характерных для переходных периодов развития. Большую роль в сохранении религиозных верований играли традиции и обычаи, тяжелый физический труд, ощущение приниженного социального положения, возможность найти в церкви моральное утешение. Все эти факторы способствовали сохранению религии у крестьян, особенно у женщин и представителей старшего поколения деревни.

Распространение новых советских праздников также встречало на своем пути препятствия в виде старых традиций. Новые праздники были необходимы для утверждения советской власти, однако складывалась своеобразная двойственная ситуация – сохранение старого и проникновение нового. Насаждение «красных» дней календаря не всегда воспринималось положительно крестьянами, и в итоге старые праздники сохранялись в сельском быту.

В агитационной сфере основное внимание уделялось аграрной пропаганде, так как крестьяне ближе воспринимало примеры из реальной жизни, основанные на практической целесообразности. В немалой степени этому способствовало сохранение основных черт традиционного крестьянского быта, несмотря на изменения в первое постреволюционное десятилетие. Этнографические исследования 1920-х гг., как правило, содержат различные факты преобладания традиционализма в повседневной сельской жизни. Экономическая слабость многих крестьянских хозяйств не позволяла коренным образом изменить материальную культуру деревни, что отражалось и в духовной сфере. В частности, на территории изучаемых губерний активно проводился праздник «День урожая», как и в других регионах нашей страны. История праздника известна давно, что подтверждает традиционализм крестьянской

повседневности. При этом большевики пытались использовать его в своих политических интересах, стараясь наполнить новым идеологическим содержанием. В свою очередь, проведение «Недели крестьянина», различных сельскохозяйственных курсов, использование агропоездов расширяло кругозор крестьянства, повышало общий уровень развития. Однако высокая степень идеологизированности, множество упущений и недостатки в работе вызывали нарекания сельских жителей и способствовали недовольству жителей деревни.

В параграфе 4.2. *«Социально-образовательная сфера и крестьянство»* изучаются перемены, связанные с распространением образования и просвещения. Это было вызвано влиянием различных факторов, к которым можно отнести: деятельность передвижных и стационарных школ, ликвидацию неграмотности, увеличение количества книг и периодических изданий в сельской местности, шефскую помощь города сельской местности. При этом в изучаемый период активно развивалось селкоровское движение. По мнению исследователей, причинами этого являются деятельность редакций средств массовой информации и органов новой, советской власти. Злободневность затрагиваемых вопросов в заметках сельских корреспондентов стимулировала органы власти реагировать на них должным образом и в короткие сроки. По крайней мере, так об этом говорится в архивных документах того времени. Ведь сельские корреспонденты освещали такие острые темы, как спекуляция, взяточничество, бюрократизм, растраты и хищения денежных средств и другие негативные явления 1920-х гг. Очевидно, что крестьяне надеялись на помощь и защиту по итогам расследования писем сельских корреспондентов. Не последнюю роль в этом играли прокурорские работники, которые наряду с другими властными структурами должны были выполнять требования советского законодательства и отвечать на критические заметки в средствах массовой информации. Конечно, негативные последствия гражданской войны и трудности восстановительного периода не способствовали быстрым успехам в сфере образования и просвещения. Кроме того, государственная экономия и нехватка материально-финансовых ресурсов на нуждах деревни также вносили свой негативный вклад в эволюцию деревенского быта.

Параграф 4.3. *«Социальные коммуникации в деревне»* посвящен рассмотрению модернизационных процессов в деревне западных губерний Европейской России 1920-х гг., которые характеризуются усилением роли социальных коммуникационных воздействий, связанных с деятельностью изб-читален, Домов крестьянина, распространением радиовещания и кинематографа. В частности, Дома крестьянина весьма активно функционировали, что подтверждают исследования современной отечественной историографии. В целом авторы отмечают положительную роль, которую сыграли данные учреждения в период новой экономической политики. Это касается культурно-просветительной работы, помощи крестьянам в сельскохозяйственном, медицинском и юридическом смысле.

В свою очередь, избы-читальни занимались разнообразной деятельностью, к которой относились выдача книг, громкая читка газет и журналов, организация

бесед и докладов, организация различных кружков, участие в проведении посевных и уборочных кампаний, проведение политических кампаний, справочная работа, проведение концертов, спектаклей и киносеансов, коллективные прослушивания радиопередач, антирелигиозная агитация и пропаганда юридических знаний. По всей видимости, различные аспекты в деятельности изб-читален были вызваны тем, что советская власть при их помощи стремилась как построить в деревне новое общество, так и повысить социокультурный уровень сельских жителей. Одновременно с этим следует отметить и недостатки в их работе, которыми являлись нехватка подготовленных сотрудников, текучесть кадров из-за низких зарплат, дефицит материально-финансовых ресурсов, связанный с негативными последствиями гражданской войны и трудностями послевоенного восстановительного периода. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в современной российской историографии деятельность изб-читален, несмотря на вышеуказанные недостатки, в целом оценивается авторами позитивно.

По поводу технических новшеств в виде кинематографа и радиовещания следует сказать, что они играли заметную роль в сельском быту. Работа по внедрению технических новшеств в деревню проводилась достаточно активно, что вносило разнообразие в обыденную крестьянскую жизнь. Несомненно, что они использовались для идеологического воздействия на крестьян, однако нельзя отрицать их роль в повышении общего культурного уровня сельских жителей. При этом различные сдерживающие факторы как материально-финансового, так и технического плана, замедляли распространение кинематографа и радиовещания. Нельзя отрицать и того очевидного факта, что большинство кинорепертуара 1920-х гг. было оторвано от реальной действительности.

В целом коммуникационные каналы способствовали трансформации сельского образа жизни и его постепенной урбанизации. Очевидно использование коммуникаций эпохи новой экономической политики в идеологических целях, но при этом происходило и расширение общего кругозора сельских жителей, формирование новых культурных стандартов. При этом достижению более впечатляющих результатов мешали материально-финансовые и технические проблемы.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования и обобщены его результаты. Автор сформулировал определённые выводы и заключения, которые отражают региональную специфику развития крестьянства в указанный период.

1920-е гг. относятся к тем периодам отечественной истории, для которых является характерным изменение старого уклада жизни и появление новых ценностных ориентаций. Именно переходный характер новой экономической политики, сочетание традиций, новаций и альтернатив развития привлекает исследователей и актуализирует изучение данной темы.

Проведенное исследование показало, что налоговая политика государства существенно влияла на настроения крестьян. Сочетание принуждения

государства по взысканию налогов, самообложение, добровольно-принудительная реализация крестьянских займов вызывали отрицательное отношение в крестьянской среде. Советское кооперативное движение играло роль государственной структуры и, как правило, проигрывало экономическое соревнование частной торговле. При сравнении ситуации с недалеким дореволюционным прошлым состояние кооперации в 1920-е гг. не внушало оптимизма. Нарастание нестабильности, связанное с завершением новой экономической политики и с так называемыми «военными тревогами» способствовало паническим настроениям и росту покупок товаров массового потребления. Понятно, что это приводило к усилению напряженности и неуверенности в завтрашнем дне. Одновременно с этим усиление административно-командного регулирования снижало влияние рыночных элементов на развитие крестьянского хозяйства.

Проведенный анализ социальных аспектов развития деревни в 1920-е годы свидетельствует, что опора на бедноту, особенно активная во второй половине 1920-х годов, приводила к усилению социальной напряженности и росту недовольства остальных категорий населения. Преобладающее большинство бедняков не были предпринимателями и крепкими хозяевами, поэтому в итоге развитие деревни существенно замедлялось. Доминирование жесткого классового подхода и его реализация на практике приводили к насаждению единомыслия и монополии в принятии управленческих решений. В ходе изучения проблемы было выявлено, что усиление напряженности и конфликтности из-за разного уровня жизни способствовали нарастанию социального напряжения в деревне.

Следует учитывать, что новая экономическая политика как период в истории страны воспринималась крестьянством с разных точек зрения. Прежде всего это зависело от социального положения, так как в итоге политика советской власти была направлена преимущественно на поддержку беднейших слоев деревни. Однако нехватка ресурсов у советской власти в первое постреволюционное десятилетие способствовала нарастанию недовольства и среди бедняков, которые рассчитывали на более быстрое повышение своего уровня жизни. В свою очередь, середняки и особенно зажиточные крестьяне или кулаки, которых к концу 1920-х гг. начали ликвидировать как класс, были против классового уклона советского строя.

Особую роль в развитии крестьянства исследуемых губерний сыграли этнические аспекты, которые наиболее ярко проявились в социокультурной сфере. На территории изучаемых губерний присутствовали так называемые национальные меньшинства, под которыми подразумевают постоянно проживающие компактные этнические группы, имеющие свой язык, обычаи и традиции, формы быта. Например, в Брянской губернии из представителей национальных меньшинств проживали украинцы, белорусы, евреи, латыши, немцы. По численности они составляли около 10% населения Брянской губернии и жили достаточно обособленно. Деятельность среди национальных меньшинств велась довольно активно, но аналитическая работа по документам центральных

и региональных архивов позволяет сделать вывод, что многие члены партии не считали это престижным видом работы.

Изучение работы среди национальных меньшинств невозможно без учета религиозной ситуации, так как в 1920-е годы шла активная борьба с религией. Как и среди русского населения, антирелигиозная пропаганда активно велась и среди национальных меньшинств. Например, среди латышей, немцев и эстонцев преобладало лютеранство, среди евреев – иудаизм, среди поляков – католицизм. Однако данная работа осложнялась тем, что сознание национальных меньшинств отличалось определенным своеобразием. По мнению партийных работников, это способствовало отрицанию существующего советского строя, так как представители национальных меньшинств не верили в его жизнеспособность. Поэтому антирелигиозная пропаганда среди представителей национальных меньшинств часто не приводила к желаемому для советской власти результату. По всей видимости, причины неудач на антирелигиозном фронте в среде национальных меньшинств аналогичны ситуации в религиозной сфере среди русского населения. Как и коренное русское население, национальные меньшинства не могли в одночасье изменить свой менталитет и особенности обыденного мировоззрения. При этом осуществлялась деятельность по повышению социокультурного уровня национальных меньшинств, и взаимоотношения в межнациональной сфере были достаточно равными, что не исключало проявлений антисемитских настроений, характерных для дореволюционного прошлого нашей страны.

Изучение архивных и опубликованных документов центральных и региональных архивов дает возможность сделать вывод о том, что традиционные нормы взаимоотношений доминировали в крестьянской жизни. При этом данное утверждение не является окончательным, так как наблюдались определенные изменения в гендерной сфере и процессы фрагментарной модернизации. В частности, в большинстве случаев молодое поколение деревни поддерживало начинания новой, советской власти, однако старшие поколения в силу возрастного опыта относились к ним настороженно. Автором сделан вывод о том, что рост непонимания между разными поколениями способствовал нарастанию конфликтности и мировоззренческих противоречий. Семейные разлады, активизация женской части населения деревни и молодежи также способствовали напряженности в социальной сфере села. Наряду с этим, несмотря на все вышеперечисленное, традиционализм как образ жизни сохранялся, поскольку его характерные особенности невозможно изменить за короткий промежуток времени. Исследование позволило выявить, что доминирование черт традиционной повседневной жизни можно объяснить консерватизмом крестьянства, недоверчивым отношением к внедряемым новациям, дефицитом материально-финансовых ресурсов. Например, активные крестьянки, как правило, не пользовались особым уважением в деревне, и их называли «необузданными бабами».

Провозглашение новой экономической политики в 1921 году создало предпосылки для начала медленного восстановления деревни после

революционных и военных потрясений, что привело к определенной стабилизации ситуации. Происходило постепенное укрепление большевистской власти, что приводило к росту количества крестьян, вступающих в Коммунистическую партию с целью повышения своего социального статуса. С точки зрения советской власти, крестьяне были лишь союзниками рабочего класса, что подчеркивало их традиционно второстепенную роль. Несмотря на ликвидацию помещичьего землевладения, крестьянство было недовольно темпами восстановления и роста возрожденной экономики. В результате наблюдались негативные настроения, в центре внимания которых были коммунисты в частности и советское правительство в целом. Политика выдвижения кандидатов была реализована, но практика «блата» и родственных отношений не способствовала ее эффективности. В ходе изучения проблемы было выявлено, что деревня остро осознавала свою второстепенность, что породило так называемую «ревность к городу» и растущее желание объединиться в «Крестьянский союз». В то же время в реальной жизни крестьянство не отличалось единством и отстаивало узкие местные интересы. Пассивное отношение к политической деятельности было вызвано разочарованием в политике новой советской власти, поскольку кампания «лицом к деревне» была недостаточно эффективной. При этом сельские советы как местные органы советской власти в начале 1920-х гг. не располагали достаточными материальными и финансовыми ресурсами, что привело к сохранению авторитета сельского схода. В то же время активное использование советским правительством административного ресурса привело к усилению негативных тенденций в социально-политической сфере деревенской жизни.

К высшему начальству крестьяне традиционно относились с уважением, что отчетливо проявилось после смерти В.И. Ленина в 1924 году. Крестьяне считали своим защитником первого человека в государстве, который «понимал» потребности деревни, по аналогии с наивным монархизмом в дореволюционную эпоху. Аналогично относились и к М.И. Калинину, которого называли «всесоюзным старостой». Проведенное исследование показало, что, как и до революции, в крестьянском сознании присутствовало принципиально разное отношение к центральной и местной власти. Высшие представители власти воспринимались как олицетворение правды и справедливости, образ местной власти в глазах сельских жителей постоянно подвергался критике. Обострение традиционных проблем сельской жизни и соперничество сельских советов и общинных структур также не способствовали оптимальному развитию села. Проведение избирательных кампаний часто приводило к конфликтам, поскольку использование административно-командных ресурсов способствовало победе кандидатов от власти, что вызывало обоснованное недовольство среди крестьян. Пьянство, взяточничество и высокомерное отношение начальства к крестьянам, как и в дореволюционном прошлом, сохранялись в жизни деревни, что не давало повода для оптимизма.

Проведенный анализ свидетельствует, что подавляющее большинство крестьян продолжало придерживаться норм обычного права, которые

сохранялись вплоть до революционных событий 1917 года. Это доказывает отличное от закона отношение крестьян к лесопорубкам, сохранение «подпольных адвокатов» и т.д. Однако деятельность новой советской власти в правовой сфере, несмотря на все недостатки, была полезной и значимой. В частности, при сельских советах были организованы примирительные камеры, которые занимались незначительными делами и приближали судебную деятельность к населению. В то же время в повседневной деревенской жизни большое значение, как и прежде, имели традиции и обычаи, поэтому большинство крестьян не обладали правовой грамотностью. Самосуд, который часто организовывался общиной и санкционировался местными властями, оставался неприятным и жестоким явлением. Конокрадство, воровство, алкоголизм и хулиганство также никуда не исчезли из обыденной крестьянской жизни.

Диссертационное исследование позволило выявить, что крестьянство 1920-х годов находилось под сильным идеологическим влиянием советской власти, что выражалось в антирелигиозной борьбе, введении советских праздников, переменах в области образования и идеологической работе советской власти. В религиозной сфере ситуация была непростой, потому что антирелигиозная пропаганда больше влияла на молодое поколение, а пожилые крестьяне традиционно верили в Бога. Преувеличенные официальной пропагандой успехи в борьбе с религией корректировались реальной жизнью. В то же время упадок влияния церкви способствовал возрождению суеверия и колдовства, что является характерной чертой переходных исторических периодов. Религиозные верования сохранялись по многим причинам, среди которых можно выделить следующие – традиционный образ жизни, тяжелый физический труд, низкий социальный статус, стремление отдохнуть в церкви душой. Особенно данные факторы влияли на приверженность вере крестьянок и стариков. Одновременно с этим устоявшиеся традиции препятствовали распространению новых советских праздников, поэтому происходило переплетение традиций и новаций. Насаждение новых «красных» дней календаря довольно часто негативно воспринималось крестьянами.

В ходе изучения проблемы было выявлено, что перемены в образовательной области были связаны с деятельностью передвижных и стационарных школ, борьбой с неграмотностью и увеличением количества книг и средств массовой информации в деревне. Работа изб-читален, шефская помощь города, движение сельских корреспондентов способствовали позитивным изменениям в указанной сфере, однако негативные последствия революционной эпохи и гражданской войны оказывали отрицательное воздействие. Одновременно активно осуществлялась аграрная пропаганда, так как крестьянство ближе воспринимало примеры, основанные на практической целесообразности. В немалой степени этому способствовало сохранение основных черт традиционного крестьянского быта, несмотря на изменения в первое постреволюционное десятилетие. Этнографические исследования 1920-х гг., как правило, содержат различные факты преобладания традиционализма в повседневной сельской жизни.

Экономическая слабость многих крестьянских хозяйств не позволяла коренным образом изменить материальную культуру деревни, что отражалось и в духовной сфере. Например, среди праздников можно выделить «День урожая», который проводился на территории изучаемых губерний и имеет глубокие исторические корни. Само собой разумеется, что советская власть использовала его в своих идеологических интересах. В свою очередь, проведение «Недели крестьянина», различных сельскохозяйственных курсов, использование сельскохозяйственных поездов способствовали расширению кругозора крестьянства. Но чрезмерная идеологизация и множество упущений в работе вызывали обоснованные жалобы и недовольство сельских жителей.

Проведенный анализ свидетельствует, что модернизационные процессы в деревне изучаемых губерний 1920-х гг. характеризуются усилением роли социальных коммуникационных воздействий, связанных с деятельностью изб-читален, Домов крестьянина, распространением радиовещания и кинематографа. В частности, Дома крестьянина весьма активно функционировали и сыграли положительную роль в период новой экономической политики. Это касается культурно-просветительной работы, помощи крестьянам в сельскохозяйственном, медицинском и юридическом аспектах.

В свою очередь, избы-читальни, как уже упоминалось выше, играли важную социокультурную роль, что выражалось в распространении книг, громком чтении газет и журналов, организации бесед и докладов, проведении политических кампаний, справочной работе, антирелигиозной агитации и пропаганде правовых знаний. К недостаткам в работе изб-читален относились отсутствие подготовленных сотрудников, текучесть кадров из-за низкой заработной платы, а также нехватка материальных и финансовых ресурсов. Однако, несмотря на эти недостатки, их деятельность в целом была необходимой и важной. По поводу технических новшеств в виде кинематографа и радиовещания следует сказать, что они играли заметную роль в сельском быту. Работа по внедрению технических новшеств в деревню проводилась достаточно активно, однако, как обычно, достижению более впечатляющих результатов препятствовали материально-финансовые и технические проблемы. При этом различные коммуникационные каналы способствовали трансформации сельского образа жизни.

Таким образом, диссертационное исследование позволило выявить, что в изучаемый период советская власть посредством имеющихся ресурсов пыталась проводить модернизационную политику по различным направлениям, однако традиционализм крестьянского быта сохранялся, несмотря на изменения в первое постреволюционное десятилетие. Деревня в 1920-е гг. развивалась, но успехи часто были преувеличены официальной пропагандой. Сочетание модернизации и патриархальности крестьян было одной из главных особенностей жизни деревни в изучаемый период.

**Основное содержание диссертационного исследования отражено
в следующих публикациях:**

**Публикации в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы основные научные результаты дис-
сертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук**

1. Кулачков, В. В. Эволюция обычного права в 1920-е гг. (на материалах Брянской губернии) / В. В. Кулачков, И. В. Гончарова, Г. С. Чувардин // История: факты и символы. – 2024. – № 3 (40). – С.89–101, 0, 75 п. л.
2. Кулачков, В. В. Ситуация в сфере начального образования на Брянщине в конце 1920-х гг. (по материалам газеты «Наша деревня») / В. В. Кулачков // История науки и техники. – 2024. – №1. – С. 36–43, 0,43 п. л.
3. Кулачков, В. В. Советская кооперация в период новой экономической политики (на материалах Брянской губернии) / В. В. Кулачков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 3(30). – С.22–26, 0,25 п. л.
4. Кулачков, В. В. Сельские корреспонденты в жизни советской страны 1920-х гг. / В. В. Кулачков, В. Б. Безгин, В. П. Николашин, П. В. Ерин, Э. В. Гатилов // Вопросы истории. – 2022. – № 1 (2). – С. 142–151, 0,56 п. л.
5. Кулачков, В. В. Советские праздники в 1920-е гг. / В. В. Кулачков, В. Б. Безгин, В. П. Николашин, П. В. Ерин, Э. В. Гатилов // Вопросы истории. – 2022. – № 2 (1). – С. 141–149, 0,5 п. л.
6. Кулачков, В. В. Местная власть и крестьяне в период новой экономической политики / В. В. Кулачков // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 3 (53). – С.63–69, 0,375 п. л.
7. Кулачков, В. В. Радиовещание и кинематограф в сельской местности 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) / В. В. Кулачков, В. И. Конова // История: факты и символы. – 2021. – №1 (26). – С.31–38, 0, 43 п. л.
8. Кулачков, В. В. Особенности девиантного поведения крестьян в 1920-е гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) / В.В. Кулачков, А.Н. Корнетов // Вопросы истории. – 2020. – № 5. – С. 195–201, 0, 375 п. л.
9. Кулачков, В. В. Роль социальных коммуникаций в модернизации российской деревни 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской, Гомельской, Орловской и Курской губерний) / В. В. Кулачков, И. В. Гончарова, Г. С. Чувардин // Вопросы истории. – 2020. – № 10 (4). – С. 93–103, 0,625 п. л.
10. Кулачков, В. В. Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг.: (историографический обзор) // История: факты и символы. – 2019. – № 3 (20). – С. 15–21, 0,375 п. л.

11. Кулачков, В. В. Документы архивов Смоленской области как источники для изучения правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг. // Вопросы истории. – 2019. – № 6. – С. 115–120, 0,31 п. л.
12. Кулачков, В. В. Архивные источники для изучения крестьянских настроений Западного региона России. 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2014. – № 1 (125). – С. 242–250, 0,5 п. л.
13. Кулачков, В. В. «Сфинкс» российской истории в зыбучих песках большевистских аграрных трансформаций: крестьянство в 1918-1933 гг. / В. В. Кулачков, В. П. Николашин // Клио. – 2014. – №8 (92). – С.37–41, 0,25 п. л.
14. Кулачков, В. В. Восприятие деятельности кооперативных организаций крестьянством Западного региона России в 1920-е гг. // Новейшая истории России. – 2014. – № 2 (10). – С. 56–63, 0,43 п. л.
15. Кулачков, В.В. Избы-читальни российской провинции 1920-х гг. как трансляторы советских ценностей / В.В. Кулачков, В.П. Николашин // Российский исторический журнал «Былые годы». – 2014. – №34 (4). – С.651–654, 0,18 п. л.

Монографии

16. Кулачков, В.В. Социокультурные аспекты развития крестьянства в 1920-е гг. (на материалах западных губерний Европейской России) / В.В. Кулачков. – Брянск: БГИТУ, 2022. – 258 с. (16,125 п.л.). – ISBN 978-5-98573-320-4
17. Кулачков, В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг.: (социокультурные изменения) / В.В. Кулачков. – Брянск: БГИТУ, 2014. – 330 с. (20,625 п.л.) – ISBN 978-5-98573-161-3
18. Кулачков, В.В. Культурная политика государства и крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. / В.В. Кулачков. – Брянск: Курсив, 2013. – 142 с.(8,87 п.л.). – ISBN 978-5-89592-238-5
19. Кулачков, В.В. Правовая повседневность крестьянства Западного региона России в первой трети XX века / В.В. Кулачков. – Брянск: Ладомир, 2012. – 166 с. (10,375 п.л.) – ISBN 978-5-91516-176-3

Прочие публикации

20. Кулачков, В.В. Сельские примирительные камеры в период новой экономической политики (историографические аспекты) / В.В. Кулачков // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы XI международной научно-практической конференции (Брянск, 19-20 апреля 2024 г.) / под ред. Т.И. Рябовой. – Брянск, 2024. – С.42-47, 0,31 п.л.
21. Кулачков, В.В. Социально-правовые аспекты самообложения в деревне 1920-х гг. (по материалам газеты «Наша деревня») / В.В. Кулачков // Государственная власть и крестьянство в XIX – первой четверти XXI века:

сборник статей /отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. – Москва: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2024. – С. 231-237, 0,375 п.л.

22. Кулачков, В.В. Трансформация статуса крестьянок в эпоху новой экономической политики (историографические заметки) / В.В. Кулачков // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VIII международной научно-практической конференции (Брянск, 14-15 мая 2021 г.) / под ред. Т.И. Рябовой. – Брянск, 2021. – С.45-50, 0,31 п.л.

23. Кулачков, В.В. Взятничество как социально-правовое явление в 1920-е гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) / В.В. Кулачков // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Брянск, 25 января 2021 г.) / под ред. С.А. Коньшаковой. – Брянск: ФГБОУ ВО «БГИТУ», 2021. – С.49-54, 0,31 п.л.

24. Кулачков, В.В. Очерк современной историографии социально-правового развития российского крестьянства в период новой экономической политики / В.В. Кулачков // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей /отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. - Москва: Институт российской истории РАН, 2020. – С. 141-148, 0,43 п.л.